

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

УДК 947.032.4.

Малиновский Ю.В., к.и.н., профессор, БГПУ;

Кушнарев Е.Н., к.и.н., доцент, ДальГАУ

**МОСКОВСКАЯ РУСЬ И ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: БОРЬБА
ЗА ГЛАВЕСТВО В РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XV ВВ.)**

В статье выясняются, уточняются разнообразные аспекты противостояния московских и литовских Великих князей в стремлении подчинить своему влиянию православную церковь в средневековый период объединения русских земель. Обращение к историческому прошлому позволяет выяснить истоки взаимосвязи России и православной церкви, определить путь сохранения единства православных народов, населяющих постсоветское пространство.

Malinovskij U.V., Cand.Hist.Sci., professor, BSPU;

Kushnarev E.N., Cand.Hist.Sci., senior lecturer, FESAU

**MOSCOW RUSSIA AND THE GREAT PRINCEDOM LITHUANIAN:
THE STRUGGLE FOR SUPREMACY IN RUSSIAN MITROPOLY
(SECOND HALF OF XIV - FIRST THIRD OF XV CENTURIES)**

In the article the various aspects of opposition of the Moscow and Lithuanian Grand dukes in tendency to override the Orthodox Church in the medieval times of incorporation of Russian lands are specified. Reversion to the historical past allows to find out headstreams of interrelation of Russia and Orthodox Church, to define a path of conservation of unity of the orthodox people populating the post soviet space.

С самого образования Великого княжества Литовского его власти, исповедовавшие ячичество, на протяжении многих десятилетий отличались устойчивой веротерпимостью по отношению к православной церкви. Это не было случайностью. Его князья прекрасно понимали, что одним из решающих источников силы их государства являются принадлежащие им обширные православные славянские земли Западной и Юго-Западной Руси. Еще со времен князя Миндовга (1230-е – 1263 гг.), основателя литовского государства, княжество умело балансировало между восточным и западным христианством (православием и католичеством). С течением времени, в условиях начавшегося противостояния Великого княжества с Москвой за объединение всех русских земель, борьба за главенство над русской православной церковью становится одним из доминирующих моментов внешнеполитического курса литовских князей. Уже князь Гедимин (1316-1341 гг.) в 20-30 гг. XIV в. пытался активно влиять на церковные дела с тем, чтобы поставить в православные митрополиты сво-

его кандидата, а в случае неудачи – оторвать подвластные ему земли от общерусской Киевской митрополии, создав для Великого княжества Литовского особую церковную иерархию.

Эта проблема имела не только двухсторонний, но и определенный международный аспект. Она искусственно обострялась Ордой в силу ее традиционной тактики сдерживания усиления обоих русских государств. Если сохранение единой митрополии всей Руси могло содействовать чрезмерному усилению одного из Великих княжений, то ее расщепление, наоборот, должно было придать особую остроту их соперничеству, а вместе с тем обеспечить необходимое Орде равновесие между ними. Не оставался в стороне и католический Запад, издревне стремившийся с помощью военно-политической и религиозной экспансии Венгрии, Польши и немецких рыцарских орденов добиться утверждения на русских землях своей веры. Самое деятельное участие в данном противоборстве принимал также и константинопольский патриархат, в силу позиции которого Владимиро-

Московская Русь оказывалась в более выгодном положении, чем Великое княжество Литовское. Константинополь (политический центр православия) по многим соображениям предпочитал иметь дело с одним митрополитом русской церкви, а не со многими. Здесь играли роль и почти четырехсотлетние традиции единства русской церкви, и сохранявшиеся еще традиции единства русской земли, и, наконец, прагматические расчеты константинопольских правителей, понимавших, что с помощью одного митрополита легче обеспечить устойчивый контроль над всей церковной организацией тогдашней Руси (меньший риск отложения в «латинство» какой-либо из русских земель, облегчение в сборе денег со столь обширной территории и т.д.). Сами же русские митрополиты, начиная с 1326 г., предпочитали иметь своей основной резиденцией уже не Киев и Владимир, а именно Москву.

В начале второй половины XIV столетия к идее подчинения своему влиянию общерусской православной иерархии обращается литовский князь Ольгерд (1345-1377 гг.), осознавая ее значимую роль в поддержке успехов московских правителей. Не имея возможности устранить с митрополичьей кафедры промосковски настроенного Алексея, Ольгерд принимает попытки добиться особой литовской митрополии в подконтрольном себе Киеве. Вероятный расчет был на то, что древняя киевская кафедра позволит ему в будущем претендовать на церковную власть над всей русской землей. Он добивается от патриарха рукоположения еще одного русского митрополита – своего ставленника тверского епископа Романа, что привело к жесткому противостоянию двух сторон и по образному выражению историка С.Соловьева «сотворению мятежа во святительстве» [1; С.553]. Известно, что вступив в спор из-за обладания титулом митрополита Киевского, владыки не жалели денег, используя всевозможные приемы (так, для того чтобы получить необходимые средства, они посылали данщиков в одни и те же епископства, что было разорительно для паствы.) Однако реализовать этот замысел со всей полнотой Ольгерду не удалось. Москва решительно не хотела лишаться статуса церковной столицы. Окончательный раздел русской епархии в Константинополе во второй половине 50-х гг. привел к тому, что на общерусскую киевскую митрополию был назначен все же Алексей, а Роман – лишь на вновь созданную

митрополию Малой Руси (без Киева) в Новгороде Волынском, хотя ей и были подчинены также литовская, полоцкая и туровская епархии, а затем и Галицко-Волынская земля [2; С. 97]. Однако Литва по-прежнему не желала считаться с претензиями Москвы на церковное лидерство. Роман отказался подчиниться решению патриархата и, опираясь на поддержку Ольгерда, провозгласил себя митрополитом Киевским. Но антилитовская политика возглавляемой Алексеем церковной иерархии Северо-Восточной Руси и его прочные позиции в Киеве, вероятно, стали одним из решающих препятствий влиянию литовского митрополита в регионе. Это, тем не менее, не положило конец борьбе Москвы с Вильно за приоритет в Русской православной церкви. Соперничество продолжалось и впредь.

Ольгерд по-прежнему не хотел примириться с тем, что митрополиты избирали местом своего пребывания Москву. Он слал послов в Константинополь с жалобами на Алексея за его одностороннюю поддержку московских князей, игнорирование Юго-Западной Руси, входившей тогда в состав литовского государства, и вновь просил особого митрополита в Киев с властью над Смоленском, Тверью и Новгородом. Цель оставалась прежней: расколоть митрополию и тем самым ослабить московский княжеский дом. В качестве давления, использовался даже довод о приглашении католического иерарха от папы римского, если патриархат откажется от устройства особой православной митрополии в Литве [3; С. 63].

Все же, как казалось, Литве удалось добиться своего: после смерти Алексея в 1378 г. митрополитом был определен ее ставленник Киприан, болгарин по происхождению. Москва поначалу решительно не приняла эту кандидатуру [1; С. 557]. Спор вскоре разрешился сам собой. Победа Москвы в Куликовском сражении 1380 г. склоняла в ее пользу чашу весов в противостоянии с Вильно, что, в свою очередь, определило и политическую позицию большинства православных иерархов. Наиболее ярким показателем этих важных сдвигов в политической жизни Восточной Европы стали перемены в судьбе и взглядах самого Киприана, ранее обиженного московским княжеским домом, но сумевшего в тот момент объективно оценить ход исторического процесса. Стремившийся любой ценой стать лидером всей русской церкви, Киприан после сделал все возможное для

сближения с Дмитрием Донским. В свою очередь, теперь сам московский князь, почувствовав возможность лидерства в общерусской политике, приветствовал установление сотрудничества с Киприаном, сулившего ему активную поддержку в осуществлении его планов. Если до «Мамаева побоища» Киприан выступал критиком Дмитрия, то после исторической победы, несмотря на будущие разногласия, они становятся естественными союзниками. В 1381 г. Киприана торжественно встречают в Москве, где он становится митрополитом с широкими общерусскими полномочиями [4; С.74]. Его деятельность поддержала и Константинопольская патриархия, ибо как раз в это время активизировалось наступление католичества на Литовско-Русское государство, в Галиции и на Волыни.

В начале XV столетия к линии на подчинение своему контролю русской православной церкви возвращается и Великий князь Витовт (1392-1430 гг.), при котором литовское государство достигло пика своего могущества. Его подход был чисто политическим. Он вынашивал планы о создании сильного русско-литовского королевства с единой и зависимой от него власти церковью и хотел быть уверенным, что церковь не встанет на сторону Великого князя московского в случае конфликта между Литвой и Москвой. Поэтому Витовт, как и его предшественники, настаивал на своем праве выбирать кандидата на митрополичью кафедру, когда бы она ни освободилась [5; С. 243]. После смерти митрополита Киприана в 1406 г., Витовт послал в Константинополь епископа Феодосия Полоцкого, грека по происхождению, прося патриарха посвятить того в сан митрополита всея Руси. Византийские власти, однако, пренебрегли рекомендацией и в 1408 г. избрали на эту должность другого грека, Фотия, который прибыл в Киев в 1409 г. Уяснив вскоре из переговоров с Василием I, что Московская Русь готова пойти на значительно более широкое сотрудничество с русским митрополитом, Фотий решился на переезд в Москву и стал активно поддерживать ее политику. Это вызвало недовольство со стороны Витовта, который запретил митрополиту вмешиваться в церковные дела западнорусской церкви. Вслед за этим он испросил у константинопольского патриарха разрешение на избрание отдельного митрополита для Западной Руси. На этот пост он рекомендовал иерарха болгарского происхождения Григория Цамблака. Но, как и ранее,

патриархат предпочитал иметь дело с одним реальным митрополитом всех русских земель – в данном случае с Фотием. Не получив ответа из Константинополя, Витовт в 1415 г. сам созвал совет западнорусских епископов. На нем Фотий был обвинен в пренебрежении к Киеву, как подлинной столице русской церкви. Киевским митрополитом провозглашается Григорий [6; С. 221-222]. Характерно, что уже тогда ни Витовт, ни Цамблак не думали ограничивать сферу влияния новой митрополии границами Великого княжества Литовского и повели против Фотия ожесточенную борьбу. В ответ московский митрополит предал Григория проклятию и в специальных посланиях западнорусской пастве обвинял того в симпатии к католичеству. В том же духе действовали и византийские патриархи, рассматривавшие создание на Руси второй митрополии как попытку раскола русской церкви в интересах католической Польши. В итоге Цамблак был отлучен от своего сана и от православия. Все это толкало его и Витовта на разрыв с «греческой» верой и сближало их с «латинством». Не случайно резиденция Цамблака была перенесена из Киева в Вильно. Показательно и то, что в 1417 г. папа римский утвердил польского короля Ягайло и Витовта в звании викариев римской церкви в епархии (Жемайтии), а также Пскове, Новгороде и других русских землях, где влияние католичества было ничтожным или отсутствовало вообще. Дальнейшим шагом на этом пути стала поездка Григория Цамблака в 1418 г. в Констанце на собор римской церкви. Речь, по-видимому, могла уже идти о первой попытке Рима с помощью русского митрополита повернуть Русь к католичеству. Его миссия не принесла ощутимых результатов. Кроме того, Витовт вскоре осознает, что фигура «самостоятельного» литовского митрополита Цамблака не вызывает симпатий среди православного русского населения Великого княжества, а программа «собираения» русских земель оказывается несовместимой с церковной автономией Литвы. В 1419 г. происходит разрыв между ними, что фактически свидетельствовало о провале на данном этапе церковной политики Витовта, не сумевшего обеспечить для себя в церковной сфере общерусского влияния. И хотя впоследствии митрополит Фотий, выступая в роли своеобразного арбитра между Москвой и Литвой, стал активно сотрудничать с литовским князем, подчас даже занимая его по-

зицию, этот курс утрачивал свою реальную перспективу.

В целом, как можно предположить, именно православная церковь, особенно на территории Северо-Восточной Руси, стала силой, наиболее активно препятствующей реализации Великим княжеством Литовским общерусских объединительных планов. Несмотря на покровительство Гедиминовичей русскому духовенству, положение православных иерархов на территории Великого княжества было принципиально иным, чем в Северо-Восточной Руси. Под властью московских князей православие пользовалось всеми правами господствующей религии. Права церкви были подтверждены ханскими ярлыками, ее земельные владения росли, она играла важную роль в политической жизни. В свою очередь, в Великом княжестве влияние митрополитов и епископов долгое время существенно ограничивалось необходимостью мириться с существованием официального язычества. В силу этого православная церковь подчас и литовских великих князей рассматривала как своих идейных противников. Преодолеть ее нередко скрытое, но мощное сопротивление могло бы только официальное крещение Литвы в православие. Однако историческая судьба уготовила ей иной путь. В силу разнообразных внешне- и внутривнутриполитических причин (в первую очередь необходимости совместных действий против немецкой экспансии) еще в 1385 г., в соответствии с заключенной Кревской унией, происходит династическое объединение Великого княжества с Польшей, а с 1387 г. принятие в этнических литовских землях католичества, чуждого русскому населению этого государства. Начинается постепенное сращивание Литвы с католической Польшей и поглощение ею как литовской, так и русской части Великого княжества. Середина же XV

в. ознаменуется фактическим разделением русской церкви на две митрополии: Московскую, которая и впредь твердо будет придерживаться антикатолических позиций, и Киевскую, которая уже в конце XVI в. придет к унии с Ватиканом. Тем самым на многие годы будет прочерчена граница влияния литовских властей и католической церкви на древнерусской территории, что и станет в тот период непреодолимым препятствием на пути общерусского объединения. Притязания на соседние территории все больше выглядели как польско-католическая экспансия. И наоборот, Великий князь московский оказывался отныне фактически единственным независимым православным правителем. В сознании многих он теперь становился главным защитником «истинной» (т.е. православной) веры. Все это вело к росту тяготения русского этноса к набиравшему мощь и силу Московскому государству, ставшему объединителем русских земель, так как в условиях того времени чувство единства нации ассоциировалось главным образом с принадлежностью к единой (т.е. православной) вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль. – Книга II, 1988. – 765 с.
2. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
3. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. – М.: Восточная литература, 1963. – 374 с.
4. Скрынников Р.Г. Святители и власть. – Л.: Лениздат, 1990. – 349 с.
5. Греков И.Б., Шамагонов Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII-XV веках. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 334 с.
6. Широкоград А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. – М.: Вече, 2004. – 400 с.